

Доклад 28.**Русская идея: антропологические основания****Инна Алексеевна Бирич**

Доктор философских наук, доцент, профессор
 общеуниверситетской кафедры философии МГПУ.

Русская мысль, русские искания начала XIX века и начала XX века свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа. Русский народ – религиозный по своему типу и по своей душевной структуре. Религиозное беспокойство свойственно и неверующим.
 Н. А. Бердяев

Если отталкиваться от формулы Ф. М. Достоевского о всемирной отзывчивости русского человека, как она ярко проявилась в А. С. Пушкине и как она должна проявиться во всех русских людях через 200 лет (в 2040-х годах), то это и есть русская идея в развитии, с точки зрения писателя-провидца. Если хотите, задание истории. Недаром незадолго до этого Достоевский участвовал в заочном диалоге об историософии с Вл. Соловьевым и Н. Федоровым.

В образе А.С. Пушкина Достоевский зафиксировал образ русского человека на вершине его индивидуального развития. Но мы понимаем, что в истории России, в которой участвовали наши предки, были разные этапы, когда этот образ только начинал формироваться, развивался и приобрел свои самобытные черты. В этом мы и можем увидеть мудрость нашей истории, коей не увидел П. Чаадаев, между прочим друг Пушкина.

Итак, этапы русской историософии, формирующей русский тип человека, всегда обновленный по сравнению с предыдущим.

1. *Славянское язычество*: центральный миф зафиксирован в современном русском языке, в особой энергетике наших нравственных по-

нятий. Трехчастность мироздания с главными богами в каждой из них, их имена оставили свой след в нашей живой речи, определяя наши ценностные ориентиры на интуитивном уровне. В мире Прави право там, где правда и справедливость. Род – источник жизни, природа, родина – качества Вселенной, жизнь зарождается там, где Лада и Любовь. В мире Яви Бог – это солнце, дающее Благо: колесо Хорос в небе и яркий жар в воздухе. Когда гремит гроза-угроза, сверкает перо молнии, отворяются «хляби небесные», то разговор стихий. Но все принимает земля – богиня Мокошь-Моска – для спасения людей. В мире Нави командуют Волос-Велес и богиня Мора и их посредники волхвы-волшебники, помогающие людям справляться с трудностями и бедами. Все это архетипы древнерусского сознания [3].

И что спрятано в данных архетипах? А это мы видим в древнерусской культуре. Наши далекие предки определяли себя как «Дажьбожьи внуки» («Слово о полку Игореве»), то есть внуки солнечных богов, люди земледелия, любящие землю и природу. Да и все народное декоративно-прикладное искусство восточных славян (от вышивки до резьбы по дереву) с его солярными знаками рассказывает о единстве нашего древнего мироздания и потому его символизме [1, 14].

2. *Принятие восточного христианства в X веке*. Если верить летописям, одним из аргументов в выборе веры киевским населением было чувство красоты и восторга, что охватило киевских послов в соборе Святой Софии, когда они прибыли в Константинополь: «как будто побывали в раю». Чувство красоты было важно для наших пращуров. Потом начались сложности. Византия – страна городов, Русь – страна рек, лесов и степей с рискованным земледелием. И как ни жаловались греческие священники, прибывшие на Русь, на местное языческое население, оно свой земледельческий культ не бросало. Хотя и христианство приняло, когда поняло, что литургический год организован согласно солнечному кругу в году. Особенно были восприняты христианские заповеди о кротости, о смирении, о бесхитростности, об искренности, о любви, обращенные к внутреннему миру человека: между законом и благодатью народ выбрал благодать [6]. В отличие от князей, официально принявших христианство, но вступивших в междоусобную войну.

3. *Двоеверие*. Наши предки искренно восприняли новое мироздание. Об этом свидетельствуют грандиозные каменные соборы, возведенные в лесах Северо-Восточной Европы, и талантливое ученичество

у иконописных греческих мастеров, и трепетное отношение к книжной учености. Но и своих старых богов они тоже не забывали, так как поддержка земледелия была вопросом выживания народа. Хочу обратить внимание, что автор «Слова о полку Игореве», участник похода, будучи уже христианином, еще демонстрирует приверженность прежнему поэтическому мирозерцанию [12].

Накануне завоевания Киевской Руси войсками Чингисхана в XII веке во Владимирской Руси произошло событие, важное для нашей дальнейшей истории. Князь Андрей Боголюбский ввел культ Богородицы (не забудем, что он привез из Киева византийскую икону Богородицы «Умиление», принявшую чуть позже имя Владимирской), учредил праздник Покрова Богородицы, распростершей свой омофор над Русью, и построил чудный храм во имя ее на реке Нерль. Таким образом, он представил ее в сознании народа как «Царицу Небесную», которая, он надеялся, в результате сольется с богиней Ладой [10]. Действительно, культ Богородицы в народе закрепился, и много чудотворных икон ее на Руси было обнаружено.

Английское слово «фольклор» довольно точно определяет особенности русской народной культуры как устного народного творчества, народной мудрости. Она восприняла и древний миф, и нравственный характер и символику христианства, стала синтезировать, казалось бы, несоединимые элементы в действительно эстетические формы [13].

Особо хочется сказать о таком фольклорном жанре, отразившем в наиболее полном виде русское двоеверие, как наша волшебная сказка, сумевшая сохранить духовную глубину народной мудрости. Она вовсе не является рудиментом, осколком мифологического древнего мирозерцания, хотя его внешняя атрибутика вся в ней присутствует. Но только теперь она обслуживает другой тайный сюжет – сюжет духовного преображения человеческой души (Иван-дурак или Аленушка) после выполнения ею труднейших заданий, связанных с победой над жадностью, страхом и смертью, и приобретения ею «царствия» (после брака с Царь-девицей или Василисой Премудрой). В русской сказке празднуется победа над смертью и колдовством силой любви, когда даже пространство Нави или Кошья не уничтожается, а преображается! Сказка зафиксировала живую природу внутреннего пространства души человека, в которой существуют глубины «подземного» мира и вершины духа. В глубину легко упасть, а вот на вершину забраться трудно. Но можно! Недаром у наших сказок всегда счастливый конец. И в этом плане в сказке заключена сильнейшая педагогическая мощь [3].

4. Личность Сергия Радонежского. Сергий Радонежский, основатель в 1340-е годы Троицкий монастырь, что «на Маковце» близ Москвы, создал в нем образцовую школу духовности и святости. «Именно им впервые в полной мере было рассмотрено и найдено верное решение проблемы целеполагания воспитания как формирования целостного человека, раскрытое в сложном религиозном понятии «Троица» и реализованное в его воспитательной деятельности» [11, с. 17].

На Руси в лице Сергия Радонежского соединились две традиции старчества: собственно русская, основанная на трудовом подвиге, подвиге преодоления и преображения природы, своей в том числе, и византийская, основанная на ценностях утонченного греческого созерцания (исихазм). После личного послания константинопольского патриарха Филофея Сергию через посредство митрополита Алексия в преддверии гибели Византии в Московскую Русь потянулась византийская культура. Везли греческие иконы, философскую и богословскую литературу, ехали художники, помощники в организации монашества и в политической борьбе за победу московского престола.

В. О. Ключевский, наш историк XIX века, давая оценку деятельности Сергия Радонежского, на первое место ставил его духовные силы: «примером своей жизни, высотой своего духа преподобный Сергий поднял упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее» [8, с. 73]. По мнению В. О. Ключевского, Сергий Радонежский своей жизнью заложил нравственное поведение русского народа, общественное и государственное сознание.

Школа Сергия Радонежского – единая на всей территории Московской Руси – имела исключительный духовный авторитет среди всего населения – от селянина до княжеских палат, прирастала за счет христианизации окраин. Было создано за два века (XIV–XVI) более 100 монастырей. Благодаря ученикам преподобного Сергия и его духовным внукам, русские называли страну, в которой жили, Святой Русью, а себя – христианами (или «крестьянами», т. е. несущими крест веры). Так был заложен духовный фундамент Московской Руси, выстоявшей против Золотой Орды.

5. Церковный раскол: защита древней благодати. Религиозный раскол XVII века стал потрясением для всего общества, так как носил глобальный характер, затронувший все слои – от беднейшего крестьянства до царского дворца. Старообрядцы бегут от церковной реформы патриарха Никона (Антихриста) из центральной Руси на восток, за

Урал, не приняв ее показной обрядности, но спасая древние рукописные книги, иконы и «древлехристианское благочестие», выраженное в высоконравственном образе жизни [9].

В этом движении рождается легенда о русском рае – Беловодье. Своими корнями она восходит к мистическим топосам славян – раю-ирию, находящемуся в мире Прави древних русичей, к «Сказанию об Индийском царстве», переведенному в наших монастырях с греческого на древнеславянский еще в XIV веке, и невидимому граду Китежу, под сенью которого спаслись от вражеского нашествия православные люди, крепкие своей верой.

В фольклоре Беловодье характеризуется как чудесная страна свободы, без бедных и богатых, без крепостного права и преступников, оплот веры православной, в которой живут одни лишь праведники. В представлении старообрядцев Беловодье – рай на земле, войти в который может только тот, кто чист душой. Беловодье называли страной справедливости и благоденствия, но, где она находится, люди точно не знали. Страна Белых Вод была открыта только для добродетельных людей, и находилась она по разным версиям на Крайнем Севере, «в Поморье, от реки великой Обь до устья Беловодной реки», на Урале, в Сибири, а также на Алтае [15].

В поисках Беловодья участвовала тысяча людей, принадлежащих к староверам. Эта легенда имела общерусский характер и, несомненно, сформировала, с одной стороны, такое массовое явление, как странничество, а с другой, закрепила в сознании народа привычку к утопическим целям. Но до поры, до времени. Беловодье не монастырь, не скит, а вольная и плодородная земля, в которой люди живут так, как хотелось бы создателям легенды. Недаром наши известные купцы-меценаты XIX и XX веков почти все были из староверов. Легенда особенно активизировалась в 1920-е годы, когда было написано и опубликовано несколько романов на эту тему.

6. Проблемы образования в контексте русской историософии. В первой половине XIX века в преддверии крестьянской реформы русские общественные деятели и мыслители, а именно славянофилы, считали своим долгом регулярно обращаться к проблемам образования. По мнению В. В. Зеньковского, русская мысль «больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории... С этим связано и напряженное внимание к социальной проблеме, но ярче всего это обнаруживается в чрезвычайном, решающем внимании к проблемам историософии» [5, с. 16].

Проблемы же историософии, то есть понимания провиденциального характера исторических событий, направленных на развитие народов, напрямую выводили русских мыслителей на проблемы образования как общественного института, поддерживающего не только связь поколений, но и несущего ответственность за моральное состояние молодого поколения. Именно славянофилы В. Одоевский, И. Киреевский, А. Хомяков обратились к современному им опыту старцев Оптиной пустыни. Эти любомудры в немалой степени способствовали пробуждению в обществе интереса к этому опыту, занимаясь переводами на русский язык святоотеческой литературы. Без живого знания путей реального духовного восхождения сделать это было бы невозможно.

Не обучение, а воспитание и самовоспитание давало возможность человеку достигать духовных вершин. В то же время своеобразие русского сознания, основанное, конечно, на знании писаний Святых отцов, вовсе не должно сводиться лишь к ним одним. Его развитие может соответствовать и требованиям современного разума, и современному состоянию науки, но оно должно, писал И. Киреевский, «уничтожить болезненное противоречие между умом и верою, между убеждениями и внутренней жизнью души» [7, с. 331, 332]. Он считал, что в решении именно этой проблемы русская философия и основанное на ней русское просвещение обретут самостоятельность.

После 1861 года в пореформенной России начался массовый рост количества начальных школ и обязательное обучение в них крестьянских детей. Лучшие представители русской культуры, хорошо зная школу в Европе, забили тревогу. Господство духовного начала в русском педагогическом опыте – ведущая и характернейшая черта, отличающая его от западноевропейского. Духовный труд ученика должен предшествовать его учебной, умственной работе и сопровождать ее. Наши мыслители ставили перед народной школой задачу духовной трансформации общественного сознания, при сохранении народного поэтического мирозерцания. В недрах русской философии были осмыслены духовно-нравственные основы системы зарождающегося массового образования, был сформирован к нему духовно-социальный заказ, нацеленный не только на сохранение духовной целостности человека, но и – ни много ни мало – на преобразование его сознания, и с ним сознания общества [3].

7. Народная школа. Такая мощная методологическая и теоретическая база образования потребовала своей практической реализации. Были разработаны самобытные педагогические концепции, направленные

не на музейное сохранение в народной школе полуязыческих общинных традиций, а на духовное и нравственное воспитание детей, опирающееся на самобытность метафорического глубинного народного мышления и их творческий потенциал. Три педагогических гения подняли народную школу в России к XX веку: К. Д. Ушинский, С. А. Рачинский и Л. Н. Толстой [4].

8. *Советская школа.* В советское время актуальность «русской идеи» как цель нравственного возрастания сознания «нового человека» сохранилась только в применении к образовательному процессу, одной из сторон которого было «интернациональное воспитание» в том числе. (Русская всемирная отзывчивость работала!) Три педагогических гения подняли советскую школу и «нового человека» в XX веке: С. Т. Шацкий, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский [4]. И действительно, в 1960-е годы советское образование стало лучшим в мире. И о русской идее заговорили вновь, но только она тогда приобрела космический оттенок. Личность Юрия Гагарина примирила на короткое время все человечество!

9. *Советская фантастика.* Без мечты великую страну не построишь. О великой России-Евразии грезил русские философы, будучи в эмиграции. На путях философии русского космизма и веры в нравственную мощь человека видели будущее планеты наши писатели-фантасты (от А. Беляева до И. Ефремова) и ученые (от К. Циолковского до В. Вернадского). Они были полны оптимизма, в отличие от западных творцов межзвездных войн и катастроф, и потому были первыми в утверждении антропного принципа Вселенной, который был научно доказан лишь в конце XX века.

10. *Так что мы должны делать сегодня?* Сегодня, как и сто лет назад, у нас в философии, науке, культуре, политике сосуществуют две альтернативные антропологии: человек – творящее существо, которое ограничивает в его деятельности только совесть, восходящая к Логосу, и человек – биосоциальное животное, которое ограничивает в его деятельности только уголовный кодекс [2]. Русская идея родилась, конечно, внутри первой. Имеешь дерзость называться творцом, не забывай, кто дает тебе высокое вдохновение: и небеса, и Родина, и любовь к людям, прежде всего к детям, которых мы бросили на откуп гаджетам и социальным сетям. Не за это ли нас наказывает сегодня планета общим помутнением разума?

Детство – вот где должна сегодня работать русская идея! Остальное со временем приложится. Необходимо нам вернуться к детям и им вернуть ощущение заботы Родины, духовную радость общей целеустремленности и взаимовыручки, ответственность за Землю, так характерные для народной жизни, вернуть веру в человека как божье творение. Понятно же, что из сегодняшних детей завтра вырастет народ. Значит, российскому образованию, кроме социального, надо заново обрести онтологическое и антропологическое измерения [4]. Тогда его выпускник и станет «всемирно отзывчивым человеком», по мерке Достоевского и Вернадского! И русская идея станет тоже планетарной.